

Андрей СКОРОБОГАТОВ  
Всемирный,  
глобальный,  
надвигающийся



@ЭЛИТА



18+

Андрей Скоробогатов

**Всемирный, глобальный,  
надвигающийся (сборник)**

Электронное издательство "Аэлита"

2013

## **Скоробогатов А. В.**

Всемирный, глобальный, надвигающийся (сборник) /

А. В. Скоробогатов — Электронное издательство "Аэлита", 2013

Сборник разделён на три части. В первой части, «Немного о Сибири», читателя ждёт встреча с персонажами «Сибирской рапсодии» – мир суровой сатирической антиутопии раскрыт в двух рассказах и одной повести. Вторая часть, «Немного о механических курах», – коллекция самых сюрреалистичных работ автора. Это рассказы и зарисовки в жанре фантастического анекдота, абсурда, наивного символизма и постмодернизма. Третья часть, «Немного о Корпорациях», – более серьёзная, хоть и немного ироничная, в этих работах есть место и для лирики, философии, любви и космических полётов. Работы из сборника рисуют картины других миров, иногда очень похожих на наш, иногда странных и загадочных.

© Скоробогатов А. В., 2013

© Электронное издательство  
"Аэлита", 2013

# Содержание

Часть 1. Немного о Сибири	5
Сибирская Рапсодия	5
1. Водка	5
2. КГБ	7
3. Политзаключенные	8
4. Медведь	9
5. Ружья	10
6. Балалайка	11
7. Инопланетяне	13
8. Матрешка	14
9. Лыжи	15
Кризис по-сибирски	18
1. Проблема	18
2. Перспективы	19
3. Проба	21
Сибирский Эксперимент	23
1. Утро	23
2. Аппарат	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

# Андрей Скоробогатов Всемирный, глобальный, надвигающийся (сборник)

## Часть 1. Немного о Сибири

### Сибирская Рапсодия

#### 1. Водка

На улице было достаточно тепло – всего минус пятнадцать по Цельсию. В такую погоду плевки не замерзают в воздухе. Вот когда в Сибири стоит настоящий мороз, минус шестьдесят – минус семьдесят, тогда лучше не плевать. Сейчас в самом разгаре был август, и Тихон ходил в летних валенках.

Ржавый трамвай без стекол медленно ехал по серому, пустому Сибирску. Половина мужиков в салоне были уже пьяные, некоторые достали из-за пазухи балалайки и горланили веселые песни невпопад.

За окном проплывали угрюмые, крытые дощатым тротуаром и запорошенные снегом улицы городка. Лишь иногда по ним проходил мужик на лыжах или медведь. Тихону было скучно, и он решил послушать, чего говорят люди в трамвае.

На сиденье сзади о чем-то рьяно спорили двое выпивших ученых из НИИ.

– ...Да ну ты брось!

– Да я тебе говорю, ..., не прав был Эйнштейн! Эксперименты Майкельсона-Морли все доказывают, ...! Пространство-время – это полная брехня!

– Не то ты говоришь, Соломоныч, ..., не то. Эйнштейн – он, это, правильный был мужик, я его уважаю. Глупо отрицать, ..., что время является четвертым измерением. Теория относительности – это как...

– Волки на рельсах, – уныло сказал из динамика прокуренный голос водителя, и трамвай остановился. – Приготовьте ружья.

«Странно, я думал, он уже выпил, – флегматично подумал Тихон, заряжая ружье, которое каждый настоящий сибиряк всегда носит с собой. – И что-то волки рано в город пришли, обычно не раньше сентября».

Мужики в салоне прекратили играть на балалайках и тоже потянулись к ружьям. С улицы слышалось волчье рычанье, и Тихон высунулся в окно. Волки были большие и голодные, они окружили трамвай и норовили запрыгнуть в его более тёплое нутро. Мужики стали палить по зверью, через несколько минут трамвай качнулся и продолжил движение, переехав чей-то труп. Разговор сидящих сзади быстро наскучил, и Тихон стал вслушиваться в разговор сидящих спереди. Там притулились молодой парень с еще короткой бородой и зрелый мужик с бородою длинной и солидной. Молодой спросил:

– Кто такие женщины?

– А это, брат, такие существа в балете из *телевизера*, – сказал старший и погрозил пальцем для важности. – Они ходят без шуб и ружей, в Сибири они не выжили бы.

– Так вот оно что! Теперь тогда понятно. А зачем они нужны?

Старший прокашлялся.

– А вот этого-то не известно. Старики говорят, что сначала они были нужны людям для размножения, и потом только мужики стали сами появляться, без их помощи. Но что-то не верится в это. Взять вон медведей – они в город из леса приходят. Волки оттуда же. Циркачи и интуристы по железной дороге приезжают. Инопланетяне – те на *энело*. А люди – они как в Сибири жили, так и будут жить. И никакие женщины им для того не нужны.

Тихон, подумал, что знает о женщинах больше, чем эти два мужика – он ведь читал Толстого и Достоевского. Но зачем нужны женщины, он тоже никогда не мог понять. Отца-воспитателя у Тихона не было, он даже отчества не имел, и рассказать о подобных вещах ему никто не мог. О своем происхождении сибиряк знал мало, слышал только, что впервые в Сибирске его увидели на вокзале, и что тогда он даже не носил бороды. Избу, ружье и лыжи в горсовете выделили, работу нашли – так и живет.

Трамвай проехал мимо фабрики по заготовке дров и остановился у НИИ. Пьяные ученые вышли на улицу и пошли по широкой синусоиде в сторону длинного деревянного здания – без лыж, по сугробам. Тихону подумалось, что все ученые не умеют пить и рано пьянеют. С другой стороны, трезвыми они бы ничего не придумали... Да ну их, ученых этих!

В трамвай вошел толстый мужик с авоськами, снял лыжи и громко заорал:

– Водка, свежая водка!

У Тихона уже было с собой две бутылки, на утро хватит. Он сидел спокойно. Многие пассажиры поднялись с сидений и принялись меняться. Продавец заломил невиданную цену – одна кунья шкурка или половина нефтяной акции за две бутылки. Люди просили сбавить цену, но дядька не соглашался. В конце концов, один из мужиков не выдержал, набил торговцу морду, отобрал авоськи с водкой и стал передавать бутылки остальным. Продавца вместе с лыжами выкинули в окно.

Снова дощатые тротуары за окном, снег и ветер навстречу. На следующей станции в салон вошли двое, один из мужиков держал в руках большие тяжелые коробки, второй же был сослуживцем Тихона, Никанором Петровичем. Увидев знакомое лицо, Петрович заметно повеселел и, сняв лыжи, уселся рядом.

Мужик с коробками прокричал на весь трамвай:

– Патроны, свежие патроны!

Пассажиры, у кого патронов было мало, подошли и стали покупать.

– Ну что, Тихон, как дела твои? – спросил Петрович.

– Тоскливо что-то мне. С утра уж такой.

– Не ел что ль вчера?

Тихон покачал головой:

– Как не ел – я ж вон дня два назад в лес на медведя ходил, сейчас на неделю мяса хватит.

Просто на душе тоскливо, понимаешь.

– А ты погоди, Тихон, я тебе такого расскажу – всю тоску как топором обрубит. Пришел, я, значица, вчера домой в избу. И давай водку пить.

Петрович сделал выразительно лицо, показывая, что сейчас скажет что-то удивительное.

– Пил я ее, значит, пил, литров десять, пока противно не стало. И гляжу в окно – а там *энело* большое, и светится! Вот как оно.

Тихон удивился.

– Ничего себе! Уж год их никто не видел, и опять, значит!

– Так это не все! Дальше гляжу – выходят оттудова эти зеленые, и говорят мне: неси нам, говорят, Петрович, зимние валенки Тихона – ну, я тебе их с того года не отдал еще! Так вот, эти-то и говорят: нужны они нам, ну позарез просто нужны. Ну, я, на ... с ними спорить, встал, в кладовую иду. Только руку за валенками потянул, вдруг глаза открываются: сам на полу лежу, а вокруг – ни валенок, ни инопланетян! На часы посмотрел – утро. Весь дом обыскал, и нигде нету!

– Кефир, свежий кефир... – несмело сказал вошедший на следующей остановке очередной продавец. Кефир сибиряки не любили, потому мужик был немедленно вытолкан из трамвая.

– Пропил ты мои валенки просто, Петрович, – нахмурился Тихон, еще больше расстраиваясь, и отвернулся от собеседника. Потом решил, что пора выпить, достал из кармана бутылку и прочитал этикетку:

«ВОДКА ПРОСТАЯ, 40 %. ОДОБРЕНО МИНЗДРАВОВОМ СИБИРИ»

## 2. КГБ

Атомная электростанция, на которой работали Тихон с Петровичем, снабжала энергией две соседние сверхстратегические ракетные базы, Секретный Военный Завод и лагерь с политзаключенными.

От трамвайной остановки до АЭС можно было добраться только на лыжах. Лыжи, как и винтовку, сибиряки почти всегда носили с собой и оставляли у выхода из трамвая.

– погоди, Тихон, не поспеваю за тобой! – пыхтел Петрович сзади. – Что ж так быстро идешь?

– Опоздываем, начальство будет ругаться.

– Смотри, медведь! – испуганно сказал Петрович, останавливаясь, и поднял ружье.

Тихон пригляделся и облегченно вздохнул: медведь был знакомый, и шел он по своим делам.

– Это ж ручной, Тишка, не узнал что ли? Он на станции живет, идем.

– А, и правда, ручной... Не признал в полутьмах.

У огромных ржавых ворот станции, покрашенных в грязно-зеленый цвет, стояли два сотрудника КГБ в круглых фуражках. КГБ-исты единственные из жителей Сибирска не носили шапок-ушанок, потому что не положено, и многие были наполовину глухими – уши не выдерживали холода.

– Идут, бездельники, – сказал один из них, низкорослый и худой, махнув в сторону Тихона и Никанора рукой.

– И вправду, в лагерь бы их всех! – отозвался второй, высокий и толстый, хмурия брови. – А потом расстреливать, расстреливать...

За наполовину разрушенным забором высились пять зданий атомной станции – четыре реакторных блока и корпус обслуживания. На серой бетонной стене последнего красовались большая выцветшая красная звезда, серп и молот, а рядом висел новый герб – двуглавый медведь с балалайкой и бутылкой водки в лапах. Внутри зуб на зуб не попадал – холодно, ночью не топили. Отопление на станции, как и везде в Сибири, было печное. Тихон сел за пульт управления и сказал Никанору Петровичу:

– Сходи-ка за дровами в сарай к снабженцам. Сидеть не могу – холодина. А водки с собой мало.

Петрович ушел, а Тихон достал из-за пазухи самокрутку, спички из кармана, и первый раз за утро закурил, уставившись на приборную панель.

Пульт управления состоял из тумблеров типа ВКЛ-ВЫКЛ, красных лампочек и приборов со стрелками. Половина приборов зашкаливала, как всегда. Мужик угрюмо посмотрел на приборы и достал вторую бутылку водки.

### 3. Политзаключенные

Внезапно большая красная лампа, третья справа, стала мигать. Тихон мгновенно протрезвел и пнул пульт управления ногой. Мигание прекратилось лишь на пару секунд, а потом возобновилось с еще большей частотой.

– Ну что ж ты, ..., опять, что ли? – выругался Тихон и пошел к начальству в кабинет докладывать.

Начальство сидело за большим столом, сплошь уставленным бутылками водки, и выпивало. На полу валялась балалайка с порванными струнами.

– Здорово, Иваныч, тут такое дело... – начал Тихон, но начальство прервало его, грохнув граненым стаканом по столу.

– Садись, Тихон. Пей.

Пришлось выпить. После первой бутылки Иваныч сказал:

– Да-а, перевелись нынче хорошие инженеры. Все туда, – тут он указал рукой на запад, – уехали, теперь за телевизерами сидят, эти, программы придумывают для... для...

– Микрософта, – подсказал Тихон, вспомнив хитрое название.

– Во-во, и не говори. Для Микрософта. Все инженеры туда уехали. И дома у всех телевизеры, ванны, как у каких-нибудь там нефтяников. Тьфу!

Тихон тоже плюнул. Нефтяники жили в поселке к северу от Сибирска, и настоящие сибиряки их не любили. Ну разве можно уважать людей, которые не носят бороду и вместо водки пьют какую-то подкрашенную дрянь?

– Вот осталось вас в отделе четверо всего, а если инопланетяне нападут? Или мутанты из подвалов полезут? Политзаключенных – вон, втрое больше, чем мужиков во всем Сибирске! А если кто из лагеря сбежит и станцию захватывать будет? Кто обороняться станет? Эти, что ли, из КГБ?

– Да нужно им это! – отозвался Тихон и выпил еще. – Им бы только мужиков простых расстреливать.

Начальство согласно кивнуло, взяв со стола следующую бутылку.

– Снабжения никакого. Вот, опять сейчас не знаю, чем вам на неделе зарплату выдавать – водкой, дровами или табаком?

– Мне лучше табаком, – Тихон заметно повеселел. – Он нужнее. Или патронами, если будут.

– Кстати, где Вова и Василич? – спросил Иваныч, разливая по стаканам. – Я только вас с Никанором сегодня видел.

Тихон выпил, не чокаясь, и ответил:

– Василич на медведя в лес пошел. Есть хочет. А Вова – я к нему заходил вчера, он уж третий день спит. Не знаю, придет сегодня или нет.

– Безобразие... – отрешенно сказала начальство, глядя куда-то в окно.

Открыли третью бутылку. Тихон выпил из горла. Внезапно дверь со скрипом открылась, и в кабинет ввалился Петрович.

– Ну где ж ты, Тихон? Я тебе вон дров в комнату принес.

Тихон хотел ответить, но вдруг почувствовал металлический привкус на зубах, и наконец вспомнил, зачем пришел.

– Я ж что хотел сказать, Иваныч. Лампа мигает. Течь, кажись, в третьем реакторе.

– Ну, разве удивительно, – спокойно сказал Иваныч, протягивая стакан Никанору. – Снабжения никакого. Все старое. Проверять, чинить некому. И кого мы туда отправим?

– Я не пойду, у меня работы полно, – ответил Никанор и залпом осушил стакан. – Мне еще надо трансформатор ремонтировать.

Тихон тоже покачал головой и нахмурился. Лезть в реактор не хотелось никому. Начальство строго посмотрело в глаза подчиненным и почесало бороду.

– Придется снова... Эх, как не хотелось мне это все, – уныло проговорил Иваныч после небольшого раздумья и подтянул к себе большой дисковый телефон, стоявший на столе.

– Сейчас опять в лагерь звонить будет, – тихо сказал Никанор в сторону, а Тихон кивнул. Иваныч набрал номер и стал кричать в трубку:

– Алло, это лагерь с политзаключенными?! Генерала позови! А, это ты! И тебе здорова, Николай... Слушай, не можешь послать нам штук десять заключенных?! А, да нет, ничего серьезного, штатный случай... Просто рук рабочих не хватает! Что, не слышу?! Можно?! Через полчаса? Ну спасибо, с меня должок. Должок, говорю! Ну, давай...

Положив трубку, начальство сказало:

– Ну, давайте, по местам. Сейчас приведут эков, они нам все и починят. Ты, Тихон, в окно проследи, проводим их, когда придут.

## 4. Медведь

Печка нагрела воздух в комнате, окошко немного оттаяло, и в него можно было следить за воротами. Когда они открылись, мужик докурил самокрутку и поднялся с места.

Сибирское солнце в августе встает за час-два до полудня, а через два часа после обеда у горизонта остается лишь бледно-желтая полоска света. Когда Тихон вышел из здания, как раз светало. Небо было хмурое, дул сильный ветер, но инженер посмотрел на восходящее солнце, и на душе немного потеплело. И то ведь хорошо, что оно встало – в ноябре-январе солнца не поднимается вообще.

Вместе с заключенными, закованными в одну общую цепь, прибыл майор в фуражке и с пистолетом. Когда кто-нибудь шел медленнее других, он стрелял вверх и громко матерился.

– Ну, на ..., что у вас тут сломалось?

Тихон проводил их по двору к третьему блоку и открыл деревянную дверь.

– Вот, с ним что-то.

– Так что именно? – спросил сотрудник КГБ, разглядывая бетонную громаду реакторного блока.

Тихон пожал плечами.

– Не знаю, течь вроде бы.

Среди политзаключенных послышались недовольные голоса, и майор, выстрелив в воздух, крикнул:

– Так, за работу, собачьи отродья! Всех расстреляю! Реактор – проверить, течь – заткнуть! Так, а чем течь затыкать? – повернулся он к Тихону.

– А так вы сходите к Никанору, он вам тряпок даст и инструменты всякие, – сказал Тихон, поправил шапку-ушанку и пошел обратно к пульту управления, добавив напоследок: – Вы только это, в подвалы не заходите, там мутанты голодные.

На обед выдали медвежатину с водкой. Тихон ел мясо, как настоящие сибиряки, голыми руками, прямо за пультом.

– Здорово, – послышался густой, басовый голос за спиной.

Сибиряк обернулся и увидел Вову, стоящего у входа. Вова был сравнительно молод, ростом два метра с небольшим, и почти все время спал.

– И тебе здорово, – Тихон вытер руку о шубу и поздоровался с великаном.

– Я тут опоздал... – Вова зевнул. – Что без меня было?

Инженер махнул рукой.

– Да, опять реактор потек. Начальство из лагеря эков вызвало, теперь вон чинят. Ты пей давай.

Тихон протянул сотруднику бутылку водки. В это мгновение в комнату вбежал Петрович и спросил у мужиков:

– Вы это, напильник с кувалдой не видели? Найти не могу. А заключенные просят, говорят, течь нашли, корпус обработать надо.

Вова отозвался, почесав затылок:

– Так их же Василич вчера брал, он печку у себя чинил.

– Кого брал?

– Ну инструменты наши, напильник и кувалду. Посмотри у него в камере.

Никанор кивнул, залпом выпил водку из стоящего на пульте стакана и ушел. Вова оглянулся и сказал вполголоса:

– Я тут про такое дело в трамвае слышал, не поверишь!

– Про энело? Так и я слышал, мне вон Петрович рассказывал.

Вова махнул.

– Да нет же, не про то. Про энело ты Петровичу не верь – он пить не умеет. Тут в трамвае два мужика с Секретного Военного Завода разговаривали. Говорят, к ним интуристы приехали какие-то странные, яства диковинные привозили! Сказали – пожужь такое яство, и сразу счастливый станешь весь. Эти интуристы всем сибирским интересуются, им тамошние аппараты по превращению воды в спирт показали, так этим все понравилось. Ну я и спросил у мужиков: говорю, а к нам на АЭС эти интуристы приедут? Они, мужики эти, и отвечают: «В городе надолго – и на АЭС приедут, и в НИИ, в лагерь, и к нефтяникам заглянут». Вот так то!

– Да... Во дела! – сказал Тихон и задумался.

Это яства диковинные – как раз то, что ему в его жизни и не хватает, понял он. Что, по сути, жизнь сибиряка? Водка, табак, медвежатина, ну, еще пельмени по праздникам. В лес пошел, медведя застрелил – сытый неделю. Бутылка, дрова есть – не холодно. А в общем-то скукота. Развлечений никаких, разве что бои кулачные стенка на стенку, НИИ скажем, против трамвайщиков, или еще на руках бороться... Вот как бы достать этих диковинных яств?.. И как выпросить их у иностранцев? Он же никогда близко не встречался с людьми из-за границы, не знал, что им нужно и как к ним обращаться...

– Скорее, скорее! – проорало начальство, вбегая в комнату. – Ружья хватайте и во двор!

Тихон мгновенно прекратил размышления, схватил ружье и спросил:

– А что такое-то?

– Мутанты из подвалов полезли! Отстреливать надо.

Вова сказал:

– Но кого-то надо же оставить за пультом! Нельзя ж без присмотра надолго.

– Да вы там давайте, – сказал Тихон, хмуря брови. – Посадите кого-нибудь.

Иваныч выругался, убежал куда-то. Через минуту они с Никанором привели упирающегося медведя Тишку и посадили на табуретку.

– Отдай ему шапку-ушанку, – сказала начальство Тихону. – Не положено медведей без ушанки за приборы сажать. На базе ракетной сверхстратегической вон посадили за красную кнопку медведя без шапки, теперь Восточное Самоа найти не могут.

Сибиряки напоили медведя водкой, натянули ему на голову ушанку Тихона и пошли во двор смотреть, что случилось.

## 5. Ружья

Говорят, что мутанты стали появляться в окрестностях станции еще лет двадцать назад. Поговаривали, что не обошлось тут без пьяных ученых из НИИ. КГБ, похоже, не оставил этот факт без внимания, и люди в круглых фуражках периодически устраивали лесные облавы,

отлавливали мутантов и сажали в подвалы. Охранять их было некому, замки были ненадежными, и Иваныч рассказывал Тихону страшные истории о бунтах жителей подвалов.

Внутренний двор, в котором стояли все четыре реакторных блока, был покрыт сугробами после ночного снегопада, к третьему блоку тянулась цепочка следов людей из лагеря. Во дворе, у выхода из корпуса обслуживания, уже собрались все остальные работники АЭС. Трое из снабжения, два бухгалтера, весь отдел Иваныча и директор станции, Федор Степаныч. Все напряженно смотрели на голый снег около блоков, но, на первый взгляд, двор показался Тихону абсолютно пустым и тихим, и было непонятно, к чему весь этот шум.

– О, смотри, какой здоровый ползет! – сказал Терентич из отдела снабжения Никанору, показывая на четвертый блок. Петрович вскинул ружье и выстрелил. Остальные мужики, кроме Тихона и Вова, тоже подняли двустволки и стали беспорядочно палить по двору.

– Погодите, – удивленно сказал Вова. – Я вот вообще никого не вижу, зачем стрелять-то?

– Я тоже не вижу ни ..., – проговорил Тихон.

– Так вы пили, поди, мало сегодня! – воскликнул Федор Степаныч, приостановив стрельбу. – Тут трезвому не разобраться, ну-ка нате, добавьте.

Начальник станции достал из кармана бутылку и протянул Тихону, он выпил из горла половину и отдал Вове. Протер глаза, растер замерзшие уши, заново взглянул на двор и, наконец, увидел...

Двери на всех четырех подвалах были сорваны. Мутанты медленно ползли по снегу в сторону корпуса обслуживания, толкая друг друга и перелезая через убитых сородичей. Мужики в лохмотьях с песьими головами, мужики с медвежьей шерстью, с огромными рогами, как у лося. Гигантские колючие ежи с суровыми, боролатыми лицами. Их были сотни, да что там сотни, тысячи, им не было числа, а в их глазах сквозила обреченность и ненависть. Но что самое страшное – им всем ужасно хотелось есть. Тихон понял, что из-за голода они готовы на все, поднял ружье и тоже начал стрелять.

– Вова, ты-то что стоишь, помогай! – прокричал через шум выстрелов Иваныч. – Без тебя нам не справиться!

– Ага, – кивнул, зевая, Вова и снял с плеча свое оружие. Вместо ружья и патронов он носил старинный шестиствольный пулемет и длинную пулеметную ленту, обвязанную вокруг пояса.

Полетели гильзы, и мутанты прямо на глазах стали превращаться в фарш.

– Че ж вы их в цирк-то приезжий не сдаете, Федор Степаныч? – спросил с упреком Вова у директора станции.

– Да им там уже девать некуда мутантов этих! – прокричал в ответ Федор Степаныч. – Года два назад мы им три вагона мутантов отдали, больше, говорят, не нужно. Им, видите ли, сейчас карликов подавай и женщин бородастых! А откуда я женщин в Сибири-то возьму?

– Безобразие! – согласился Иваныч, перезарядил ружье и продолжил стрельбу.

...Как это часто бывает, дорогу домой Тихон не запомнил.

## 6. Балалайка

Растопив поутру печь и напившись ледяной воды из бочки, Тихон понял, что уши он вчера без шапки вконец отморозил, и на работу не пойдет. Придется лечиться водкой. Водка – лучшее лекарство от любых недугов, подумал Тихон и поправил сам себя: кроме, пожалуй, душевной хандры. Конечно, если выпить водки не слишком много, литра три, настроение сначала поднимется. Однако утром хандра возвращается, и так продолжается неделя за неделей, месяц за месяцем. Год за годом. Кто-то говорит, что жизнь надо менять – а как менять? Зачем менять? Пить водку, что ли, бросить? Тогда замерзнешь, или, того хуже, как вчера – мутантов

не увидишь. Работу сменить? А что он, Тихон еще умеет, кроме как за лампочками следить да на рычаги слива-загрузки топлива нажимать?

Было, конечно, время, когда Тихон делал матрешки и сдавал в специальный пункт, откуда их увозили в Европу для продажи. Специально для изготовления матрешек у Тихона в избе стоял небольшой токарный станок. Но потом большинство мужиков свой матрешечный бизнес прекратили, пункт приема матрешек закрыли, и станок уже много лет стоял без дела.

Нет, без тех диковинных яств, что должны, обязательно должны привезти на АЭС иностранцы, Тихону не обойтись.

Внезапно в голову к Тихону пришла мысль: если эти интуристы интересуются всем сибирским, то почему бы не подарить им бесконечную сибирскую матрешку? Тихон быстро накинул шубу, подошел к сараю с дровами, выбрал дюжину поленьев и вернулся в дом. Разобрал поленья по размеру, распилил на баклушки и запустил станок.

Весь день он вытачивал матрешечные заготовки, постепенно уменьшая их размер. Секрет бесконечной матрешки поведал Тихону один из его соседей, сказавший, что такие лучше продаются. Прерывался Тихон только на то, чтобы покурить, выпить водки и поесть сырой медвежатины.

Станок трещал и гудел, как ракетная установка, было пыльно, летела стружка, но Тихон не обращал внимания на подобные мелочи – ведь впереди виднелась столь желанная цель!

– Главное, чтобы интуристам понравилось... – Бормотал инженер, машинально меняя болванки и сверла. – Лишь бы яств диковинных дали...

Когда солнце зашло, Тихон стал раскрашивать заготовки, используя черную и серую краску. К вечеру в избе закончилась водка, пришлось идти к Василичу, он жил ближе всех.

Перед домом у Тихона залегла на ночевку небольшая стая волков, пришлось подстрелить пару самых крупных, остальные разбежались. В окне у Василича горел свет, скрипучая деревянная дверь была не заперта. Тихон вошел в избушку, снял в сених лыжи и вошел в комнату. Василич сидел за столом, на котором стояла одинокая бутылка водки, и играл на балалайке «Эх, дубинушка, ухнем!»

– Сыграл бы ты лучше, Василич, что-нибудь из «Экстрроверта», – сказал Тихон угрюмо. – А то уже всем надоела твоя дубинушка.

Группа «Экстрроверт» жила в Иркутске, была достаточно хорошо известна в Сибири и играла прогрессивный металл на балалайках. Пару лет назад они даже приезжали в Сибирск на поезде, но их концерт запретил КГБ. Василич отложил балалайку и в упор посмотрел на Тихона, сделав удивленное лицо:

– Ты что, Тихон, забыл, что ли? Сажают теперь за прогрессивный металл. Велят только народные песни играть. Или про медведей. Балалайки велено зарегистрировать, и ежели кто из КГБ услышит, что не то мы на них играем – сразу в лагеря. Садись давай, пей!

Тихон присел на косоногий стул и угрюмо посмотрел на бутылку водки.

– Ну что, кстати, сходил вчера на медведя?

Василич кивнул и указал рукой на свежесделанную шкуру, висящую над печкой.

– С чего, ты думаешь, я веселюсь и на балалайке играю? Сытый потому что. Ты мне лучше скажи, что тебя на работе не было сегодня? Начальство сказало, что это безобразие.

Тихон показал на уши:

– Уши я давеча отморозил. Шапку мою на медведя надевали, нельзя, говорят, без ушанки за приборы садить.

– Это оно верно, – кивнул Василич и протянул бутылку Тихону. – Без ушанки нельзя. А уши твои мы сейчас вылечим. Только водка заканчивается, ты допивай пока что есть, а я к Вове схожу, у него всегда полный шкаф.

Василич надел шубу, взял двустволку и лыжи с палками, у двери остановился и сказал сурово:

– Балалайку не трогай! Я ее вчера на себя записал, без письменного разрешения дать не могу.

Тихон кивнул и взял бутылку в руки. Посмотрел на этикетку:

«ВОДКА ПРОСТАЯ, 40 %. ОДОБРЕНО МИНЗДРАВОМ СИБИРИ»

## 7. Инопланетяне

– Такое сегодня, мужики, на работе было! – сказал пьяным голосом Вова. До этого все трое пили молча. Остались четыре бутылки из пятнадцати.

– Мне-то что ты рассказываешь, я ж сегодня был... – сказал Василич. – Вон, ему говори. Вова повернулся к Тихону:

– С утра мы... двор от мутантов всей станцией прибирали, а к обеду пришли к нам эти... в фуражках. Говорят, из лагеря они, и спрашивают, не видали нигде десять заключенных и майора ихнего с пистолетом?

Тихон смутно помнил, что вчера действительно приходил кто-то из лагеря, но все вечерние воспоминания затмила новость об интуристах, и поэтому он спросил:

– А... и куда они делись?

– А мне откуда знать? – ответил вопросом на вопрос Вова. – Я их вчера вообще не видел. Это ты их к блоку реакторному водил.

Василич грохнул очередной допитой бутылкой об стол и, отстранив Вову, сказал Тихону:

– Не, ты, это, не бойся. Ты тут не при чем, они сами виноваты. Мутанты в подвалах шум с выстрелами слышали, подумали, расстреливать начинают, вот и взбунтовались. А эти, в фуражках, говорят сегодня, что зря мы мутантов расстреливали. Они, говорят, тоже люди, хоть и в подвалах сидят. Жалеть их надо, говорят, не виноваты они, что радиация.

– Мужиков простых они расстреливают, а мутантов им видите ли жалко, – добавил Вова.

– Ну вот и дожалелись! – сказал Тихон сурово. – Съели мутанты майора ихнего, и заключенных тоже.

– Да нет же, говорю! – рявкнул Василич. – Вот, скажем, если бы и съели – тогда бы фуражку-то оставили! И шинель тоже, так ведь?

– Съели бы, – возразил Тихон. – С голодухи все можно, даже шерстяное.

– А пистолет металлический? – вмещался Вова. – Тоже, скажешь, проглотили? Нет, тут точно мутанты не при чем. Зэки с майором в реактор упали, и сварились там заживо!

Василич покачал головой и погрозил пальцем:

– Нет, это ты неправду говорить. Инопланетяне их под шумок забрали, для опытов! Точно, на энело увезли! Федор Степаныч так сказал, Иваныч наш тоже так думает.

Тихон нахмурился.

– Так говорили же, что про инопланетян Никанор придумал спьяну? Не прилетал никто, говорят.

Вова кивнул, и взял следующую бутылку.

– Вот-вот, и я говорю, не прилетал. Придумали они все. Пить не умеют.

Лицо у Василича стало еще краснее от злости, а Тихону подумалось, что сейчас они подерутся. Драки ему не хотелось, и он сказал, поднимаясь:

– До ветру схожу.

– Я тебе сейчас кулачком-то по роже и настучу! Тоже мне! – рявкнул Василич на Вову, резко поднимаясь со стула. Концовку тирады Тихон не услышал, потому что вышел из избы.

Дорожка к туалету была заметена снегом, а лыжи одевать не хотелось, поэтому мужик решил идти через сугробы как был, в валенках. На третьем шаге его резко качнуло в сторону, и он упал на спину. Тихон некоторое время смотрел на ночное небо – оно было безоблачным, звезды светили ярко, складываясь в завораживающие геометрические фигуры. Внезапно потя-

нуло на философию, и подумалось, что у звезд тоже есть свои начальники и подчиненные, заключенные и майоры – надсмотрщики. Как же они без шапок и ружей там, в ледяной прохладе космоса, висят? Светят, еще, зачем-то, и какая польза от света этого? Солнце светит – так хоть день от ночи отличить можно, если не зима, а тут – никакой пользы. Говорят, правда, ракеты наводить по звездам научились – и то славно, но тоже вон – посадят нечаянно медведя без шапки за красную кнопку, как тогда, а потом – звезды, не звезды, все равно Восточное Самоа не вернуть...

Тут Тихон вспомнил про физиологическую потребность и хотел уже подняться и продолжить нелегкий путь к туалету, как вдруг его внимание привлекла одна большая звезда. С самого начала она показалась мужику неприлично крупной на фоне более мелких светящихся точек, а тут она и вовсе начала двигаться из стороны в сторону, как огонек у папиросы, и при этом неуклонно расти в размерах. Неужели это...

«Ну нафиг... – подумал мгновенно протрезвевший Тихон, отчаянно пытаясь подняться. – Я же не как Никанор – пить умею, вроде бы... Что ж они, и мне кажутся?»

Тем временем точка окончательно превратилась в светящийся диск, энело летело на мужика прямо сверху, иногда отклоняясь от маршрута и кружась. Когда до земли оставалось каких-нибудь сто-сто пятьдесят метров, диск замедлил движение и выпустил лучи.

Тихон уже перестал пытаться встать, он просто неподвижно лежал в сугробе с широко открытыми глазами. Лучи прошли прямо по лицу, стало страшно, и мужик заорал, но энело медленно поплыло влево, в сторону улицы. Через несколько секунд Тихон услышал медвежий рев, и увидел, как к светящемуся диску по воздуху поднимается большой бурый медведь. Он, по-видимому, просто гулял по улице, и инопланетяне забрали беднягу для опытов, подумалось Тихону, и мужик снова закричал, испугавшись, что следующим заберут его.

Скрипнула дверца избы, и послышался хруст снега под валенками. Светящийся диск с медведем, как будто бы заметив появление людей, в одно мгновение пропал.

– О, смотри, лежит. Упал, – сказал голос Вовы. – Я всегда говорил, здоровье у него слабое, не местный он. Пить не умеет.

Тихон терпеть не мог, когда ему напоминали, что он не местный – ведь в душе он был настоящим, суровым сибиряком, хоть и нашли его на вокзале. Тем более он не любил, когда ему говорили, что он не умеет пить. Но сейчас было не до обид – надо было придумать, зачем он кричал и почему до сих пор лежит в сугробе. Мужики подошли и начали поднимать коллегу.

– Ты, Вова, держи его за правую руку, а я за левую держать буду, – сказал Василич, наклонившись над Тихоном. Все лицо у Василича было в синяках. – Что ж ты кричал? Что случилось-то?

– Медведь. А я без ружья.

– Не верим, – сказал Вова, ставя Тихона на ноги. – Ни разу не помню, чтобы ты медведя пугался, ты ж не нефтяник какой-нибудь. Помнишь Аркадича? Он вообще говорил, что любой нормальный сибиряк медведя может голыми руками завалить... До туалета проводить тебя?

– Да не... не надо уже. Пойду я домой, мужики, уши вы мне вылечили, спасибо вам за это, а мне еще работу одну доделать надо.

– Темнишь ты, Тихон, – сказал с укором Василич. – Уж не энело ли видел?

– Нет, нет, не видел я его! – нахмурился сибиряк. – Я пить умею, не то что некоторые.

## 8. Матрешка

Иностранцев было двое – высокий и пузатый, их сопровождал переводчик, кто-то из бывших нефтяников. Все трое были безбородые и носили вместо шуб черно-красные пластиковые куртки, что сразу не понравилось Тихону. Иностранцы смотрели на него, почему-то пере-

глядывались и посмеивались. Но, в конце концов, не важно, как они выглядят и как смотрят, главное – попросить у них тех яств диковинных...

Когда их проводили в комнату Федора Степаныча, переводчик сказал, что пузатого зовут Джон Смит, а высокого – Йохан Йохансон. Добавил что-то про сопротивление, и иностранцы раздали всем присутствующим красно-белые листовки с черной непонятной надписью:

«THE EARTH FOR THE EARTHMEN! DOWN WITH GREEN-ASSED INVADERS!»

Никто из работников станции языка не знал, но спросить, что там написано, почему-то побоялись. Дали гостям стаканы и налили водку. Пузатый спросил через переводчика, видел ли кто-нибудь из работников инопланетян. Выяснилось, что энело видели трое из работников, включая Никанора Петровича, который принялся с новыми подробностями рассказывать о зеленых человечках, забравших Тихоновы валенки. Про майора и политзаключенных начальство велело молчать. Высокий иностранец сделал серьезное лицо и передал через переводчика, что с этими зелеными ублюдками нужно бороться и не давать им садиться на шею. Потом Джон Смит спросил, а что это у вас весь снег во дворе красный, и Федор Степаныч соврал, что это давеча на станцию волки заходили, пришлось парочку пристрелить. Судя по лицам, иностранцы не поверили, но спорить не стали. Потом начали расспрашивать откуда сибиряки берут винтовки, почему нынче водка и тому подобную ерунду, известную даже медведям.

И вдруг произошло то, чего так долго ждал Тихон. Пузатый достал из кармана куртки нечто небольшое и продолговатое, поднес ко рту и стал жевать. «Вот они какие, яства диковинные, – подумал Тихон и заметил, как часто забилося его сердце. – Вот оно какое, счастье мое». Он понял: такой удивительной возможности изменить свою жизнь, как сейчас, у него больше не будет никогда, и если и нужно что-то делать, то здесь и сейчас.

Тихон смело отодвинул стоящего рядом с иностранцами Петровича, подошел к переводчику и сказал:

– Вели им дать мне яства диковинные. Я им за это вот что дам, – и вытащил из-за пазухи свою матрешку. – Она бесконечная.

Федор Степаныч с Иванычем замолчали, удивившись наглости Тихона. Переводчик сначала раскрыл рот от удивления, потом передал матрешку иностранцам, усмехнулся и спросил:

– Какие яства?

– Ну те самые, что вот он сейчас в рот положил. От которых счастливыми люди делаются.

– О, о, мэтыресшка! Соу гуд! – сказал пузатый, не переставая жевать, и начал разбирать матрешку. Разобрав первые восемь уровней матрешки, непонятно покачал головой и собрал все обратно. Потом переводчик сказал что-то пузатому, тот что-то спросил, высокий что-то ответил, глядя на Тихона, и бывший нефтяник перевел:

– Господин Йохан Йохансон говорит, что для тебя, брат землянин, всегда пожалуйста, и спрашивает, как ты оказался в Сибири.

Тихон нахмурился. Он не знал своего происхождения и всегда смущался и сердился, когда его ему говорили, что он не местный. Но сейчас был не тот случай, когда можно было сердиться, и пришлось ответить:

– Меня мужики на вокзале нашли, а раньше что было – не знаю.

– Да он сибиряк! – вступился за сотрудника Петрович. – Даром что лицом не похож.

Некоторые почему-то посмеялись, а иностранцы, после того, как ответ Тихона перевели, кивнули и протянули ему две маленьких блестящих палочки...

## 9. Лыжи

К вечеру заметно похолодало, и первый раз за неделю пошел снег. Снежные вихри залетали в трамвай, пронизывающий ветер дул в лицо, угрюмые одинаковые деревянные избушки медленно проплывали мимо, и казалось, что путь до дому длится вечность. Все знакомые

мужики с работы остались праздновать получение зарплаты, и Тихон ехал один. Водка, купленная с утра, к концу рабочего дня кончилась, а согреться было жизненно необходимо. Через две остановки Тихон не выдержал, подошел к балалаечнику, играющему на весь трамвай «Эх, дубинушка, ухнем!», дал ему в морду и отобрал водку. Кто-то из мужиков запротестовал и чуть не завязалась драка, но на рельсах внезапно появились волки, и всем пассажирам пришлось пострелять, а про балалаечника потом забыли. От водки стало немного теплее, и все мысли были об одном – поскорее бы домой, поскорее бы сесть за стол, достать из кармана диковинные яства и, наконец, съесть...

Остановка. Тихон надел лыжи и через метель медленно пошел по запорошенной лыжне к дому. Через метров двести он увидел большого медведя, бегущего навстречу по улице. Снял с плеча ружье и внезапно понял, что в кармане остался всего один патрон. Медведь, похоже, был людоедом, морда вся в крови, и от выстрела зависела жизнь. Тихон зарядил ружье, вспомнив высказывание старика Аркадича, что любой сибиряк может завалить медведя голыми руками. Сейчас он понял, насколько это далеко от действительности – такой медведь тяжелее мужика в пять раз, и если придавит – смерть неминуема. Вспомнил про яства в кармане, которые так и не попробовал, со злостью посмотрел на приближающегося хищника, прицелился и выстрелил. Медведь зарычал и повалился, Тихон опустил ружье и мысленно прикинул расстояние, которое разделило его со смертью – медведь лежал в пяти метрах от концов лыж. «И все же я настоящий сибиряк», – подумал Тихон и первый раз за день улыбнулся.

Придя домой, Тихон запер дверь, растопил печь, положил в шкаф коробки с табаком, достал из кармана две блестящие палочки, положил на стол и стал разглядывать. Обертка, похоже, была сделана из глянцевой бумаги, на ней были маленькие рисунки и надписи на непонятном языке. Тихон осторожно снял бумажку с одной из палочек и подумал, что обязательно повесит на стенку, как картину. После бумажной была вторая обертка, сделанная из фольги, сибиряк развернул ее и увидел сами яства – десять маленьких белых комочков. Тихон сгреб их все и отправил в рот.

Яства оказались похожи по твердости на резину, но были такими сладкими и пахучими, что на душе сделалось удивительно хорошо.

«Все же эти иностранцы молодцы, – подумал Тихон. – Они умеют делать человека счастливым, хоть сами и странные. Вообще – какая разница, сибиряк ты или с Запада – все мы братья, все равно по одной земле ходим...»

Тихон подошел к шкафу и первый раз за долгое время посмотрел в зеркало. Несмотря на черную блестящую кожу и вечно грустные, карие миндалевидные глаза, лицо у него сегодня просто светилось от счастья. Он снова улыбнулся белоснежной широкой улыбкой, снял шапку, пригладил кудрявые черные волосы и сел обратно за стол.

Яркие лучи света ударили в окно. Тихон от неожиданности проглотил яства и пошел во двор посмотреть, откуда исходит свет.

Во дворе стояла большая летающая тарелка, свет шел изнутри, пробиваясь через тонкий, словно бумажный корпус. Снежинки падали и таяли на белой поверхности. Тихон замер у двери и молча смотрел, как плавно опускается сверкающий трап, как три маленьких синезеленых существа выходят из энело и медленно, покачиваясь, идут в его сторону. Страх, как в тот раз, не было, вся картина несла покой и умиротворенность, и Тихон подумал: «Какая разница, люди – не люди. Белые, черные или зеленые – у всех у нас Разум есть, все мы в одном Космосе вращаемся».

И не важно, что там думают про инопланетян иностранцы, когда-нибудь они все поймут, как понял сейчас Тихон...

Верхними конечностями средний, самый крупный из инопланетян держал нечто большее и черное, он подошел к онемевшему сибиряку, протянул это нечто и сказал бесцветным, спокойным голосом:

– На, Тихон... Возьми свои зимние валенки.

## Кризис по-сибирски

### 1. Проблема

Главный начальник Сибири был разбужен звонком в полвторого ночи. Ерофей Ерофеич, подняв трубку большого дискового телефона на письменном столе, приготовился гневно высказаться в адрес звонящего, но услышал голос главы сибирского КГБ Хвостова и потому лениво отозвался:

– А, это ты... Что такое?

– Беда, Ерофеич. Кризис, не иначе.

Начальник Сибири присел на край кровати, налил свободной рукой водки в стакан, выпил, и спросил:

– Опять китайцы?

– Нет, Ерофеич, с китайцами все в порядке. Сидят себе за границей, никого не трогают. Тут дело, пожалуй, посерьезнее будет. Настоящая катастрофа. Надо Совет Большого Начальства созывать.

– Ну ты хоть скажи, что за проблема? – Ерофеич почесал подбородок.

– Проблема национального масштаба. Это не телефонный разговор, нас могут подслушать западные шпионы.

Сибирский начальник поморщился.

– Опять твои шпионы, да кто нас подслушает в два часа ночи?... Приезжай тогда, раз по телефону не хочешь, да и рассказывай все как есть.

– Не могу, Ерофеич – сани в ремонте, давай уж лучше ты ко мне.

Начальник Сибири бросил трубку, выругался, но делать было нечего. Надел дорогую норковую шубу, шапку-ушанку и валенки, разбудил хромого извозчика и пошел вместе с ним к сараю, где жили ездовые собаки. Спустя десять минут собачья повозка мчалась от особняка по заснеженным просторам в направлении столицы, города Сибирска. Ерофей Ерофеич ёжился от холода и периодически пил припасенную водку из горла, для согреву.

Миновав постовых, повозка въехала в город и помчалась по безлюдным улицам. В столь раннее время и мужики, и городские медведи мирно спали. Сибирский начальник с извозчиком беспрепятственно доехали до мрачного двухэтажного здания, украшенного гербом – двуглавым медведем с балалайкой и бутылкой водки в лапах. Это были КГБ-шные Застенки, оплот военной диктатуры и сибирского тоталитаризма. Оставив извозчика с собаками мерзнуть на морозе, Ерофей Ерофеич поздоровался с двумя охранниками в круглых фуражках и поднялся по лестнице в кабинет главы сибирского КГБ.

– Плохо дело, Ерофеич, – сказал Хвостов. – Водка кончается.

– Так пошли кого-нибудь на склад, – пробурчал главный начальник Сибири. – Проблем то. И ради этого ты меня разбудил?

– Ты не понял. Водка СОВСЕМ кончается. Через две недели все население Сибири рискует остаться без главного национального ресурса. Я же сказал – кризис наступает!

Ерофей Ерофеич остолбенел, затем схватился за голову и стал в панике бегать по кабинету.

– Срочно! Собирай Совет! Начальников всех городов! Чтобы послезавтра все были!

## 2. Перспективы

– Коллеги! – объявил Ерофей Ерофеич с трибуны. – Для нашей дорогой и горячо любимой Сибири наступают тяжелые времена.

В зале столичного Горсовета находилось семьдесят человек. Многие из городских начальников были пьяны и не слушали своего шефа, в зале царили шум и неразбериха.

– Ну, мужики! – крикнул Ерофеич, пытаясь добиться хотя бы какого-то порядка в рядах Большого Начальства. – Эй, там, сзади! Степан Степаныч, убери балалайку, невозможно совсем от твоей «Дубинушки»!

Степан Степаныч, начальник Усть-Илимска, проворчал что-то невнятное, но инструмент убрал.

– Ты давай, говори, что случилось-то! – крикнул нетерпеливый Аполлон Аполлоныч из Владивостока, сидевший на первом ряду. – Что я, зря семь часов на бомбардировщике через полсвета летел?

Ерофей Ерофеич осушил стакан, потом проворчал, оправдываясь перед Аполлонычем:

– Так ведь не слушает никто... Ну и пусть. В общем, ситуация у нас такая. Кризис, одним словом, и безрадостные перспективы! Москва и остальные европейские поставщики этилового спирта с понедельника прекращают поставки по трубопроводу Свердловск-Тобольск.

Главный начальник Сибири сделал многозначительную паузу.

– Безобразие! – первым не выдержал начальник Балалаевска, Тимофей Тимофеич. – Как же мы без спирта! Где московский посол?

– Посла! Где посол! – слышались голоса в зале.

– Сергей Владиславович, поднимитесь сюда, – позвал Ерофеич. – Проясните ситуацию.

На трибуну поднялся полный мужчина в пиджаке, без бороды. Ерофеич налил ему водки в стакан, но тот безразлично поморщился и начал речь.

– А что я могу сказать? Такова ситуация на мировом рынке спирта и алкогольной продукции. Цены поднялись. Дефицит. Эксплуатировать трубопроводы для снабжения Сибири спиртом становится нерентабельно. То же и в других странах. Мы предложили продолжить поставки по железной дороге, ограниченными партиями, но новый договор вы подписывать не собираетесь.

– Да как по железной дороге? – воскликнул Аполлоныч. – Да разве по железной дороге можно? Мы и десятой доли спирта по ней не провезем. Без спиртового трубопровода не обойтись!

– Все другие страны производят поставки спирта обычным транспортом, водным или сухопутным, – парировал московский посол. – Мне вообще не понятно, зачем сибирякам так много алкоголя?

Со второго ряда вскочил худой мужичек, начальник северного Медвежанска.

– Да что вы понимаете! Вы, москвич! У нас в Сибири морозы девять-одиннадцать месяцев в году. Бывает под шестьдесят градусов, плевки в воздухе замерзают! У нас даже женщины из-за этого не живут уж лет пятьдесят, как все это началось. А мужикам без водки никак! Организм у сибирских мужиков так устроен, что вместо крови – алкоголь, наши ученые установили...

– Ну, я слышал, но это спорная теория, – спорил Сергей Владиславович. – Это противоречит здравому смыслу и законам биологии.

– Да у нас тут все противоречит здравому смыслу, с тех пор как в 80-х годах военные испытания привели к мутации планеты, – грустно вздохнул Ерофей Ерофеич, стоявший рядом. – А как иначе? Иначе нельзя. Одно я точно знаю – среднегодовая норма на одного сибиряка – не меньше полутора тонн спиртосодержащей жидкости. Летом теплее, пьют меньше,

кое-кто самогон гонит, а зимой – по пятнадцать бутылок в день, и самогоном не обойтись. Помножьте на шестнадцать миллионов мужиков, и вы поймете, что без трубопровода нам никак.

Посол развел руками и ушел с трибуны, бросив напоследок:

– Я посол, я ничего не могу сделать...

Зал немного приутих, все обдумывали услышанное, потом кто-то с задних рядов выкрикнул:

– А мы им нефть перекроем!

Кто-то пошел дальше, и рявкнул:

– Да, а потом ракетами их, ракетами!

– Нет, мужики, нельзя же так, все же они наши соседи и бывшие соотечественники, – попытался успокоить народ Ерофей Ерофеич, возвращаясь на трибуну. – Надо искать выход самостоятельно.

– Хотя нефть все же перекроем, – тихо сказал в сторону начальник КГБ Хвостов, стоящий за трибуной.

– Это все происки зеленозадых супостатов! – заявил начальник Угрюмска, привыкший во всем винить инопланетян, и достал из-за пазухи припасенную бутылку.

– Но позвольте, у нас же есть два спиртовых завода, в Красноярске и Хабаровске, – сказал Тимофеич. – Неужели их мощности не хватит?

Ерофей Ерофеич покачал головой:

– Не хватит. Водочные фабрики в большинстве городов работают на зарубежном сырье, своего спирта не достаточно.

– Хорошо, если спиртовых заводов мало, то почему бы не построить ещё парочку силами политзаключенных? – предложил вариант Аполлоныч. – Я не думаю, что на это уйдет много времени.

– Политзаключенных не хватит, – высказался Хвостов. – Они и так строят три новых нефтепровода и две атомных электростанции. Нет, ну мы, конечно, можем поменять законодательство и на время увеличить их численность, но это долгий процесс.

– К тому же остается проблема сырья, – добавил Ерофеич. – Нашим двум заводам и так не хватает зерна и крахмала для производства, а из-за рубежа вести его сложно и дорого.

– Да и не хватит парочки заводов, – сказал Хвостов. – Один большой завод пятьсот тонн спирта в сутки делает, а у нас по стране водки за день, бывает, по шестьдесят тысяч тонн выпивают. За границей заводов восемнадцать заводов в трубу спирт гнали. Что, кстати, с ними будет, Сергей Владиславович?

Толстый московский посол поднялся со своего места, презрительно оглядел зал и громко сказал:

– В то время, как вы пьете водку, мы покоряем космос и производим шоколад. Мы переоборудуем часть заводов под нужды космической отрасли и кондитерской промышленности, делов-то!

– Это безобразия! – выкрикнул Тимофеич. – Как можно, нет, вы послушайте, как можно есть этот... шоколад!

Зал загудел, кто-то начал грозить кулаком и выкрикивать угрозы в адрес посла, кто-то начал оживленно беседовать со своим соседом, распивая спиртное, а Степан Степаныч, начальник Усть-Илимска, устал от шума, уснул и захрапел.

– Но должен же быть хоть-какой то выход? – воскликнул Аполлоныч. – Неужели все так безнадежно?

– Похоже, выход из кризиса у нас один, – с грустью в голосе сказал начальник КГБ, и в зале стало тише. – Раньше брали спирт из Европы, теперь придется просить Азию, у них

спирта много... Есть старая ветка газопровода, идущая из Иркутска, ее можно переключить к спиртовым трубам, и тогда...

– Китай? Никогда! – воскликнул Ерофей Ерофеич.

– Надо, Ерофеич, надо, – Хвостов снял круглую фуражку, обнажив лысину. – Мы продадим Сибирь за водку бывшему врагу, но только так мы спасем народ от верной гибели.

### 3. Проба

– Вот, Васька, пришли, – сказал старый геолог своему молодому напарнику и воткнул лыжные палки. – По карте залежи прямо под нами. Четыре километра, считай, часа полтора бурить.

– Фу, наконец-то, – уставший мужик уронил лямку тяжелых саней на снег. – Нет, Максимыч, а вдруг все же это газоконденсат, а не нефть?

– А шут его знает, может и газоконденсат. Разведчики вечно все напутают. Нам-то какое дело, сейчас пробу возьмем – а там уж пусть в лагере думают, кому отдать – газовикам или нефтяникам. Бери вон лопату с моих саней, сейчас мы разгребём тут маленько и палатку поставим.

Когда палатка была расставлена, геологи развели у ее входа костер и стали варить похлебку из консервов, грея руки о котелок.

– Слышал, чего вчера курьер в лагере говорил? – спросил старший геолог.

– А?

– Говорят, кризис водошный.

– Да ну! – не поверил Васька. – Водка всю жизнь была в Сибири, чего ей деваться-то.

– Молодой ты, многого не знаешь... Давным-давно водки в Сибири не было. Ну, то есть была, но так – немного совсем. Потом грянули холода, Сибирь независимой стала, спирт из Москвы пошел, по трубам. А теперь не дает Москва спирту, третий день уже как вентиль перекрыли.

– И что теперь?

– А разное говорят. Одни говорят, китайцам за спирт Дальний Восток отдавать будут, другие говорят, что и Китай не поможет – у них тоже с алкоголем проблемы. А кто-то говорит – Китай, не Китай, а водку пить все равно надо, иначе совсем никак. Одним словом, не понятно, что станет с народом сибирским.

Молодому геологу взгрустнулось. Он надел варежки, стряхнул сосульки с бороды, и спросил:

– А сколько водки еще осталось?

– У нас или вообще? – не понял Максимыч. – У нас – два литра с полтиной. А вообще по стране – вроде как на дней семь. Курьер сказал, что в столице поговаривают про тайные склады КГБ, говорят, если тяжело будет, народ взбунтуется и штурмом на них пойдет... Ну да ладно, сейчас перекусим, костер потушим и бур поставим.

Компактный бур с насосной станцией были тяжелыми и еле помещались на двух санях. Когда мотор заработал, и на мужиков полетела глина с грязью, Максимыч запел зычным голосом, желая приободриться:

Ой, мороз, мороз,  
Не морозь меня,  
Не морозь меня, моего коня.  
Не морозь меня, моего коня,  
Моего коня белогривого...

Васька, хоть и молодой, стал подпевать:

...Моего коня белогривого,  
У меня жена, ох, ревнивая!  
У меня жена, ох, красавица,  
Ждет меня домой, ждет – печалится.  
Я вернусь домой на закате дня.  
Обниму жену, напою коня!

– А что такое жена, Максимыч? – спросил молодой геолог старого, когда они допели песню.

– Это, Васька, женщина такая специальная. Раньше, говорят, у каждого мужика по жене было, а теперь уж лет пятьдесят нет ни у кого жены. Да и вообще нету женщин в Сибири, в телевизере только, зато водка есть... Была то есть... Смотри-ка, полилось что-то! Выключай машину.

Старый геолог вылез из палатки, подошел к буру и смахнул пальцем с бурильной трубки подтекающую жидкость.

– Прозрачная какая-то, – удивленно проговорил Максимыч.

– Парафинка, что ли? – предположил молодой. – Хотя нет, парафиновая нефть не такая по густоте.

– И пахнет как-то странно, – геолог понюхал жидкость, потом рискнул попробовать на язык. – Васька, так это ж водка!

– Да ну!

– Да я тебе говорю, на, сам попробуй!

Молодой сибиряк попробовал жидкость на вкус и кивнул.

– И взаправду, водка! Получается, что там, под землей, водошное месторождение?

– Получается, так, – кивнул Максимыч. – Чего только на земле Сибирской не бывает.

– И что теперь делать?

– Как что делать, ты в первый раз, что ли? Сейчас в колбу сольем, скважину законсервируем. Потом переночуем, да повезём пробу в лагерь, а что там дальше – это уже не наши заботы.

Когда рассвело, геологи отправились в обратный путь, а на месте пробной скважины остался стоять бело-серо-черный флаг.

– Получается, не будет кризиса? – спросил по дороге Васька.

– А кто его знает, – ответил Максимыч. – Это уже пусть начальство решает, что с кризисом делать. А наше дело малое – колбу с пробой до лагеря довести. Ты только смотри, будешь по дороге водку пить – не перепутай!

Василий с Максимычем ехали мимо сибирских кедров и сосен и не догадывались, что их имена войдут в историю Сибири, как имена спасителей отчизны. Ведь это именно они принесли народу спасительную весть, вернули стране водку – ее народное достояние, ее радость и боль.

## Сибирский Эксперимент

### 1. Утро

Сейчас уже никто точно не помнит, когда и почему Сибирь стала независимой. Тем не менее, по вопросу истории учёные сибирских НИИ выдвигают две гипотезы.

Первые ученые утверждают, что все это случилось в конце холодной войны, когда после подземных ядерных испытаний Земля начала мутировать. Одни территории, к примеру, Европа с Америкой, стали резко уменьшаться в размерах, а другие – скажем, Сибирь, или Восточное Самоа, наоборот, стремительно увеличиваться, словно планету в этих местах пучило. Новообразовавшиеся пространства в Сибири сразу заполнялись стандартными лесом, снегом и медведями. Так или иначе, площадь Сибири увеличилась в пять раз и стала занимать почти четверть земной суши. Управлять такой огромной и дикой территорией стало невозможно, поэтому тогдашние власти Союза отказались от своих восточных земель и сосредоточились на экспансии Европы.

Эта теория считается основной, однако, она не дает ответов на ряд важных вопросов. Во-первых, почему в Сибири стало так холодно? Ведь раньше, если судить по умным книжкам, плюсовая температура летом держалась несколько месяцев, а световой день был намного длиннее. Во-вторых, зачем понадобилось столько снега и медведей? Это оставалось загадкой. И, наконец, главный вопрос – откуда взялись инопланетяне?

Именно поэтому другие ученые, которые находятся в оппозиции, выдвигают вторую гипотезу. По их мнению, независимая Сибирь была искусственно создана некоторым Высшим Разумом, «Сверх-мужиком», который исказил нормальную советскую действительность и создал на базе ее новую – с медведями, водкой и инопланетянами. Таким образом, все происходящее вокруг напоминает представление цирка, только вместо декораций – леса и просторы сибирские. Приезжие специалисты-иностранцы одно время очень интересовались трудами по этой теории, и даже говорили что-то о виртуальной реальности. Разумеется, КГБ не оставлял без внимания подобные псевдонаучные домыслы, и большинство ученых, поддерживавших «цирковую теорию мира», давно сидело по лагерям.

Но научная жизнь Сибири исследованиями прошлого не ограничивалась...

То утро в Научно-исследовательском институте города Сибирска началось, как часто это бывает, с белой горячки одного из безумных ученых.

Заведующий Арчибальд Арчибальдыч прибежал в молекулярную лабораторию позже всех, когда все научные сотрудники, и старшие и младшие, усердно краптели над бумагами, пробирками и микроскопами. Тот факт, что все его подчиненные пришли рано и уже были на месте, ничуть не обрадовал заведующего. Решение устроить подчиненным настоящий, серьёзный разнос было подкреплено алкоголем, и усердие не являлось основанием, чтобы разнос этот не проводить. Дермидонтыч оторвал взгляд от микроскопа и мельком посмотрел на своего начальника – по лицу было ясно, что сейчас «начнётся».

Арчибальдыч, мужик чуть меньше полутора метра ростом, носил лохматую, рваную бороду и имел выпученные, постоянно дёргающиеся глаза. Заведующего лабораторией боялись все, даже директор института, ведь он по праву носил степень Безумного Гения Технические науки, сокращенно б.г.т.н. Подойдя к одному из молодых ученых, вычислявшему у доски, нервно вырвал у него из рук логарифмическую линейку, разломил о коленку и бросил в мужика. Затем сорвал чертёж с кульмана, порвал на несколько частей и разбросал по комнате.

– Неверно все! Не правильно! Не по ГОСТу чертишь! – орал он. – Дебилы! В лагеря всех! Сжечь еретиков!

«Такова доля наша, – уныло думал младший научный сотрудник, продолжая смотреть в микроскоп и делать пометки в бумагах. – Зачем все это? В чем смысл происходящего? Нет радости в жизни... Вот, и ко мне направился... Ну что, давай, бей меня, начальник, избивай. Я всего лишь МНС, а МНС-ов положено унижать».

Иероним Дермидонтыч был сухощавым ученым, носил круглые очки в ажурной оправе и короткую острую бороду. Депрессия и уныние являлись для этого сибиряка естественной формой существования. Все свободное время он посвящал раздумьям о нелегкой судьбе, чтению старых стихов и мрачной игре на балалайке.

– А ты чего! Чего сидишь! Это что! – Заорал Арчибальд Арчибальдыч, схватил карандаш и жирно перечеркнул крест-накрест лист Иеронима Дермидонтыча. – Бред! Диверсия! Под расстрел гадов!

Младший научный сотрудник пригнулся, чтобы не попасть под горячую руку заведующего, обхватил лицо руками и тихонько зарыдал. Ограничившись подзатыльником, Арчибальдыч продолжил утренний обход, сопровождаемый разрыванием чертежей, битьем пробирок и истошными криками. Когда очередь дошла до старшего научного сотрудника Фролыча, ситуация стала носить угрожающий характер. Фролыч был мужиком принципиальным и плохого отношения к себе не терпел.

– Это... это же возмутительно! – сказал ученый, поднимаясь со стула и снимая очки. – Как вы можете, Арчибальд Арчибальдыч, так себя вести в стенах нашего... храма науки?

– Что-о?! Да ты! Уничто-о-жу! – завопил заведующий и вцепился зубами в руку ученого. Тот вскрикнул, схватил свободной рукой со стола микроскоп и огрел им своего начальника по голове. Арчибальдыч повалился на спину и стал дрыгать ногами, корчась и издавая истошный вопль.

– Пора! – махнул Фролыч сотруднику, сидящему у входа.

Ученый убежал в коридор и привел двух здоровых лаборантов.

– Уносите, – скомандовал старший научный сотрудник, и мужики, подхватив брыкающегося заведующего за руки и ноги, молча вышли из лаборатории.

«Ну наконец-то закончены мои мучения, – подумал Иероним Дермидонтыч, вытирая глаза. – Хотя, это только на сегодня. Завтра все повторится, и нет конца всему этому. Главное, доработать до вечера и незаметно уйти».

– Господа, – несмело подал голос МНС по имени Христофор Себастьяныч, – А почему бы нам не употребить для согреву?

– Да, всенепременно стоит употребить, – подхватили ученые, и Фролыч открыл шкаф с большими стеклянными сосудами.

Иероним остался сидеть на месте, усердно проводя эксперименты. Однако работа не клеилась, ещё бы – ведь без спиртного, как известно, гениальные открытия не совершишь. Соседи, напротив, радостно стали вскрикивать «Смотрите, коллега!», «О, ну надо же!», «Как удивительно, не правда ли!» и тому подобное.

Прямо перед обедом в лабораторию вошел рыжий специалист из отдела термоядерной наноинженерии.

– Есть свободные сотрудники? – спросил он махровым баритоном.

– Дермидонтыч, где вы! – крикнул Фролыч на всю лабораторию.

«А вот и снова мучения, – меланхолично подумал Иероним и прижался, стараясь казаться ниже, чтобы его не заметили. – Наноинженеры, грубые и неотесанные. Сейчас они попросят меня таскать мешки с кислотой или будут испытывать новые препараты...»

– Дермидонтыч! Да вижу я вас, зря спрятались! Вы сейчас чем занимаетесь?

– Чертежи делаю... кристаллография... – тихо проговорил МНС.

– Знаем мы ваши чертежи. Пойдите лучше вон, помогите коллеге.

Иероним Дермидонтыч, обреченно вздохнув, положил чертежи в картонную папку, завязал тесемочку и пошел с коллегой в соседний отдел.

– Тут, понимаешь, такое дело, Дермидонтыч, – сказал ученый, которого звали Менделей Резерфордыч. – К нам коллеги из Европы неделю назад чудо-машину прислали, а чего с ней делать – не понятно. Ты у нас мужик мозговитый, может чего разберешься.

– Да, где я мозговитый, – отмахнулся Иероним, а сам немного повеселел. Все же, это лучше, чем таскать мешки с кислотой.

Мужики подошли к складу, находящемуся в конце коридора, и Менделей Резерфордыч открыл дверь, запертую на большой амбарный замок. В середине комнаты, заваленной всякой барахлом, стояла большая картонная коробка с надписями на зарубежном. Резерфордыч подошёл и смахнул с угла паутину.

– Это, стало быть, телевизор? – несмело осведомился Дермидонтыч.

– Ещё бы! – ответил Менделей и подхватил коробку. – Помоги, несём в наш кабинет.

## 2. Аппарат

В кабинете у термоядерных наноинженеров было немного теплее, чем в остальной части НИИ. За старым гудящим масс-спектрометром сидел, покачиваясь, косой безумный ученый и бормотал проклятия в адрес Оппенгеймера.

– Селифоныч, бросай ты эти глупости, – нахмурившись, сказал Менделей. – Лучше давай агрегат подключай.

Агрегат вытащили из коробки и поставили на пол рядом со столом. Выяснилось, что чудо-машина оборудована большим панно с множеством мелких кнопок, непонятным блоком и прямоугольным экраном, все было грубо сварено вместе кусками арматуры.

– От Микрософта подарок, – произнес ученый, отряхнув аппарат от пыли. – Да, у них сейчас, почитай, уже лет семьдесят один сплошной Микрософт на Западе, все страны на него работают.

– Я склонен полагать, что это непростой телевизор, – предположил Иероним Дермидонтыч. – У обычных телевизоров, если мне не изменяет память, не так много элементов управления.

– Да... Гляди, а тут буквы, как на печатной машинке, – сказал Резерфордыч.

Селифоныч тем временем встал со стула и стал разматывать провод, идущий откуда-то из недр аппарата, не прекращая проклинать зарубежных физиков.

– Включай в электросеть, Селифоныч, – повелел Менделей.

Безумный ученый залез под стол, где была розетка. Спустя мгновение, старый агрегат на столе затрясся, прекратив спектральный анализ, и из его недр пошел густой дым. У нового агрегата, напротив, внутри что-то шелкнуло.

– Подключил? Тогда ждём, – сказал рыжий ученый и присел на табуретку, глядя на экран.

Дермидонтыч хотел было сказать, что аппарат, скорее всего, сам не запустится, и его нужно как-то включить. Но потом ученый подумал, что его все равно никто слушать не станет, и промолчал, сев на соседний стул.

Спустя минуту терпение Резерфордыча иссякло.

– Что, не исправный, что ли, подсунули, ...? – рявкнул он, встал с табуретки и с размаху пнул валенком аппарат. Потом опомнился, отошел и проговорил. – Хотя нет, говорят, пинками только старые телевизоры можно починить, а это, вроде как новый.

Селифоныч подбежал к странному телевизеру и стал ласково гладить его, шептать что-то невнятное, словно успокаивать обиженное механическое нутро.

– Менделей Резерфордыч... – стесняясь, сказал Иероним. – Может, надо поискать кнопку включения?

Резерфордыч присел и почесал подбородок.

– Про кнопки – это мысль. Только, вот беда – тут этих кнопок вон как много, какую из них нажать... Хм, а что, если напечатать ему команду, как на машинках?

Инженер подошел к аппарату и начал тыкать указательным пальцем в клавиатуру.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.